

DOI 10.15393/j9.art.2014.761

Ирина Валерьевна Романовская

*преподаватель кафедры скандинавской филологии
филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
romanovskaia.irina@gmail.com*

КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»*

Аннотация. Темой исследования стал концепт «душа» — один из важнейших смысловых компонентов художественного мира А. Платонова.

Понятие «душа» является одним из ядерных в истории культуры и включает в себя сложное религиозное, философское, этическое, духовное, ментальное, психическое содержание.

Концепт «душа» устойчиво присутствует в творчестве А. Платонова от первых до последних произведений, где представляет индивидуально-личное, коллективно-народное и мировое (космическое) бытие. Лексема «душа» маркирует зону конфликта писателя-философа с воинствующим атеизмом и историческим материализмом революционной идеологии. Автор и его герои ищут «душевный социализм» («Сокровенный человек», «Усомнившийся Макар»). Советская критика увидела в этих поисках «юрродство во Христе» (А. Гурвич).

Концепт «душа» в повести «Джан» (1932–1935 гг.) актуализирован уже на уровне названия: (тюркское «джан» в переводе на русский язык означает «душа»), играет важную роль в художественном представлении сокровенной жизни народа джан и главного героя Назара Чагатаева.

Концептуальный анализ повести «Джан» включает следующие позиции: — определение семантического пространства концепта «душа» в повести, его структуры и функций; — описание референтных ситуаций, на которые указывает концепт «душа» в художественном произведении; — изучение концептосферы повести (связей концепта «душа» с концептами «ума», «сердца», «счастья», «жизни»); — выявление мифологического и христианского подтекста в контекстах, непосредственно связанных с концептом «душа»; — определение сходений и расхождений концепта «душа» в повести «Джан» Платонова с его культурной семантикой, восходящей к Евангельскому тексту.

Ключевые слова: А. Платонов, «Джан», концепт «душа», мифологический и христианский подтекст, Евангелие

Повесть «Джан», написанная А. Платоновым в 1933–1935 гг., считается одним из наиболее светлых произведений писателя. В письме к супруге, М. Платоновой, за 1935 год А. Платонов писал о «Джане»: «Вещь не мрачная. <...>

Вещь человеческая <...> в ней совершаются действия и страсти, присущие настоящим мужественным и чистым людям»¹.

Уже на уровне названия произведения актуализировано центральное и имеющее первостепенное значение для художественного мира А. Платонова понятие души. В названии повести заявлена лексема «джан», которая имеет активное распространение в тюркских языках и толкуется, как «душа или милая жизнь»² (445). В авторской версии джан — это «душа, которая ищет счастье» (429).

В традиции мировой культуры душа — это высшая субстанция, благодаря которой человек становится человеком. В религиозных представлениях душа невидима, но осязательна, и она связывает человека с Богом. Согласно толковому словарю В. Даля, «душа» — «жизненное существо человека», «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей», «бестелесный», «человек без плоти», «душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.», «душа есть бесплотное тело духа»³.

В начале повести «Джан» автором введены два семантических значения лексемы «душа». С одной стороны, это весь живой человек; с другой — в повести речь идет о «вместилище», которое нужно «наполнить», и «если нет, то сердце алчно жует собственную кровь» (512). Душа находится в сердце человека, «спешит и бьется <...> и может задохнуться там навеки, если не помочь ей освободиться» (512). А. Платонов подчеркивает нерасторжимую связь между сердцем человека и душой. Сердцеведение — это путь духовного познания жизни, поиска истины и любви к человеку.

В «Джане» душа олицетворена и обладает человеческими качествами: она «дышит» (465), «болит» (452), «страдает» (442). Олицетворение души не является новаторством А. Платонова. Оно отсылает читателя к Библии, в которой не раз говорится о страдании души: «Мы видели страдание души его» (Быт. 42:21), «а ныне душа наша изнывает» (Чис. 11:6).

В повести мы видим традиционное противопоставление души и тела. Душе трудно находиться в теле «почти несуществующих людей» (474). Вместо тела был скелет, который и то

«не хватало сил нести» (493), «кости сохлись и согнулись, жилы сморщились» (482), «был слышен скрип костей внутри шевелящихся людей» (493), «трение трущихся мертвеющих костей» (499). «У людей не осталось силы в сердце, чтобы держать энергию или выражение мысли в глазах» (499).

Платонов указывает на сложную взаимосвязь тела и душевной субстанции. В философско-мировоззренческом понимании концепта «душа» писатель сближается с христианской традицией, когда душа человека — это божественный дар, находящийся выше материальных ценностей. «Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» (Мф. 6:25), — такой риторический вопрос обращен к народу в Евангелии от Матфея.

Душа обладает наивысшей ценностью для человека. Это залог гармонии и любви, вечной жизни.

Душа, с одной стороны, находится в сердце каждого героя произведения, с другой — она принадлежит всему народу «джан».

Нур-Мухаммед, партийный работник, выполняющий задание партии по строительству коммунизма, в разговоре с Назаром Чагатаевым поставил под сомнение само существование данной субстанции у народа: «Какие люди?.. Их душа давно рассеялась, им все равно — живут они или нет» (474). Анализируя нежелание жить у народа, А. Платонов устами старика Суфьяна говорит: «Народ нарочно не имеет души» (509). В невероятно сложных внешних условиях при отсутствии воды, постоянном истощении, мучительной жизни, когда проще умереть, чем жить, «душа (у людей. — *И. Р.*) занемела» (482). Однако то, что душа занемела, вовсе не означает её гибель.

На страницах повести словоформа «душа» встречается 52 раза (и «джан» — 40 раз) в словах повествователя, Назара Чагатаева, Нур-Мухаммеда, старика Суфьяна и Моллы Черкезова. Большая часть словоупотреблений приходится на повествователя, который в данном случае представляет авторскую позицию.

Ключевыми эпизодами в понимании концепта «душа» является разговор уполномоченного райисполкома Нур-Мухаммеда

и Назара Чагатаева о судьбе народа джан. Герои высказывают противоположные мнения о судьбе народа (9 глава).

В 15-й главе повести присутствуют пронизанные отчаянием и болью размышления Назара Чагатаева, а также диалог со стариком Суфьяном о невозможности строительства коммунизма у джана. Чагатаев испытывает душевную боль, когда понимает, что причина этому кроется в доминировании рабского труда и измождении, «когда душа приспособляется к смерти» (508). Хотя в сердце народа по-прежнему горит тусклый огонь, он не знает, какую душу поместить в него, так как место собственной души всегда занимала чужая душа.

Противопоставление мы находим в 17-й главе, когда Назар Чагатаев оказывается в Хиве и издали видит Китай, где коммунизм, по мнению героя, уже построен. Надежда на строительство коммунизма и обретение души выражается в единственной реплике: «Там уже давно проснулись и работали полмиллиарда терпеливых бедняков, — сколько мысли и чувства было в их душах, если б можно было ощутить их сразу в одном сердце» (527). В одной реплике прочитывается вся формула понимания А. Платоновым душевного счастья, возвращая читателю к сердцеведению. Душу наполняют мысли и чувства, а сама она находится в сердце человека.

В 19-й главе расшифровывается смысл названия повести «Джан». Бедняки, у которых нет ничего, кроме собирательного имени джан, обладают душой, благодаря которой они чувствуют жизнь, мучаются, страдают и пр. Их бедность становится их силой и богатством.

Наибольшее количество употреблений лексики «душа» приходится на финальную часть повести, что обусловлено эволюцией главного героя.

Назар Чагатаев — главный герой произведения, молодой, только что окончивший институт, партийный работник, человек сознания и дела. Взшедший «на гору своего ума» (429) герой уже с первых строк повести начинает путь вниз, с горы ума — к душевной жизни, от отдельного существования — к жизни среди народа. Важность данной портретной характеристики придает и то, что в другой повести А. Платонова

«Усомнившийся Макар» (1929) главный герой видит во сне, как на горе стоит «научный человек», не видящий «горящего Макара и думающий лишь о целостном масштабе, но не о частном Макаре». «Глаза его страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора»⁴. Человеку «на горе» и дела нет до забот, страданий, внутренних беспокойств трудящегося народа, этих маленьких людей. Взгляд героя обращает на себя внимание: «глаза его страшны и мертвы» — жизнь в «верхах» власти и идеи искоренила в нем огонь души и жизни, глаза потухли, они не видят ничего, кроме «целостного масштаба» далекой от воплощения утопии. Важнейшая мысль, которую А. Платонов старается донести до читателей, заключается в том, что идея (= строительство социализма) доминирует над жизнью людей.

Знаковость характеристики «взошедший на гору своего ума» заключается также в том, что в подтексте образ Назара Чагатаева можно увидеть бога древнегреческой мифологии Прометея, давшего огонь жизни людям. В образе главного героя мы видим осознанное авторское обращение как к античной, мифологической традиции, так и христианской. Познание жизни и самого себя через Богочеловека примиряет и мифологическую, и христианскую традиции.

Через призму героя показан внешний, материально-технический, мир. А. Платонов использует образно-символический прием персонификации для более эффективного противопоставления материально-технического начала, мертвого, и живого, наделенного душой. В начале повести говорится: «Он втайне прощался со всеми здешними, мертвыми предметами. Когда-нибудь они тоже станут живыми — сами по себе или посредством человека» (429). Герой чувствует бездуховность окружающего мира, где вокруг находится «мертвая утварь» (432). В православном учении она называется «бездушными вещами» (1 Кор. 14:7) как, например, издающие неопределенный звук труба, свирель или гусли, невразумительные слова человека (1 Кор. 14:7) и пр.

Повесть «Джан» А. Платонова — это путь обретения души как главным героем, народом джан, так и вещественным миром. Начало и финал повести контрастируют: бездуховная

жизнь в начале повести обретает смысл и душу к концу произведения.

Назар Чагатаев не имеет родителей, его отец, которого он никогда не видел, — русский солдат. Принадлежность отца русской нации актуализирует православный подтекст. Мать Чагатаева — туркменка Гюльчатай — была вынуждена оставить Назара еще в детстве, чтобы спасти от быстрой кончины в среднеазиатской пустыне. В произведении слова «мать» и «родина» используются в одном контексте: «Родина и мать давно скрылись...» (437), что указывает на их тождество. Н. Полтавцева пишет, что «мать — это родина, народ, женское начало, чувство, душа, естество, природа» [3, 16], следовательно, возвращение Назара Чагатаева из Москвы в Сары-Камыш может быть проанализировано как путь возрождения не только родины, матери, но и души.

Возвращение сына от «идеологического отца» Сталина из центра атеистического мира к родине, матери, передавшей сыну память о «русском отце» при сложной перекодировке напоминает притчу о «блудном сыне» в Евангелии от Луки: «Брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:32). Возвращение героя на родину дало ему новую жизнь, силы для дальнейшей обновленной душевно-духовной жизни.

В начале повести главный герой являет чувствительность, сочувствие и участие к окружающим его людям. Он находится рядом с некрасивой Верой, беременной вдовой, оберегает и проявляет заботу о её дочери Ксении. Внимание героя, его забота и теплота к этим людям, сострадание — это аллюзия на христианскую заповедь «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Иак. 8:2) и цитату «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

Это не единственные сближения с христианской традицией. Чагатаев, до конца не осознавший собственное предназначение, готов на самопожертвование и душевный подвиг во благо спасения народа. По одной из версий имя героя означает «посвятивший себя Богу». Назар Чагатаев — «пастырь», проводник людей в светлую жизнь, в то время как души народа джан можно сравнить с «изнуренным и рассе-

янным» (Мф. 9:36) стадом овец. Данное толкование отсылает нас к Евангелию от Матфея, где Иисус, побывав во многих городах, «видя толпы народа, сжалился над ними» (Мф. 9:36). Сердце кочевого племени «джан» огрубело, и Чагатаев пытается разжечь огонь его души. При этом в конце повести герой растворяется среди народа джан, и его образ трансформируется из «ведущего» в «ведомого».

Назар Чагатаев внутренне эволюционирует, он проходит путь от сознательной жизни и долга службе к близкому христианской идее этизму. Вступив на этот путь, он приобретает духовное сердце, нравственный смысл жизни.

По сюжету повести он отправляется в места некогда покинутой им родины вдоль реки Амударьи и Усть-Урта, чтобы выполнить задание по спасению народа, у которого «ничего не было, кроме души и милой жизни, которую ему дали женщины-матери, потому что они его родили» (445). Задание Н. Чагатаева кажется невыполнимым потому, что сам народ потерял интерес к жизни.

Это был немногочисленный народ, в который входили сироты, рабы, любовницы, беглецы, не верующие в Бога люди. Одним словом — маргиналы, которым нет места в традиционном обществе. «За краем тела этому народу ничего не принадлежит» (445). Из-за тягот существования, бедноты, голода душа народа «джан», «напоминая собой ту главную жизнь, которая сейчас забыта, задушена горем в сжавшемся сердце» (472). Этот народ находится в Сары-Камышской впадине, на дне засохшего моря, почти минус 40 метров от его уровня. Впадина символизирует забытую жизнь; даже в семантику слова «впадина» входит значение «провал», т. е. то, что выпало из жизни, из памяти. О существовании народа «джан» практически никто знает, поэтому строительство новой жизни именно в этом месте указывает на возрождение и спасение души потерянного народа, его путь из ада в рай.

Сюжет повести «Джан» имеет сходство со скитанием израильтян по Аравийской пустыне, описанным в начале 106 псалма. «Блуждали они в пустыне по безлюдным дорогам и не нашли города, в котором могли бы поселиться. Они голодали и жаждали, и душа их томилась в них. Пусть славят

Господа за Его милость и за Его чудесные дела для людей, ведь он утолил душу жаждущую и душу голодную насытил благами» (Пс. 106:4–9).

В контексте понимания концепта «душа» место действия произведения не лишено философского смысла. Пустыня — это оазис для возвращения души, так как все суетные заботы и проблемы остаются за её пределами, это благодатное место для того, чтобы открыть собственную душу Богу. Выбранное автором место действия теряет свою парадоксальность, как только мы соприкасаемся с Библией, где душа человека сопоставляется с жаждущей землей: «Простираю к тебе руки мои: душа моя — к Тебе, как жаждущая земля» (Пс. 142–6). Пустыня, где практически отсутствуют животные и растения, всегда жара и палящее солнце, — это жаждущая земля, как и души народа джан, испытывающие стремление к счастливой, душевной жизни. «Во время засухи Господь будет насыщать душу твою <...> и ты будешь как напоенный водою сад, которого воды никогда не иссякают» (Прит. 58:11).

Джан — это миниатюрное изображение всего человечества, столь же разнообразного и несчастного.

Начало и финал повести построены на антитезе. Джан, напоминающий в начале повести сброд голодных людей, превращается в финале в единый народ, обладающий коллективной душой и стремящийся к лучшей жизни. Подобное превращение «бедняков» в «богачей», «нищих» в «мудрых» описано в Святом Евангелии: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5:3), «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4), «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5), «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Коллективная душа, т. е. единство душевной организации, присущее всему народу, — это одна из черт национального единства общества. Эти бедные асоциальные люди, по мнению А. Платонова, — обладатели колоссального душевного потенциала. Они же образуют национальное общество, связующим звеном которого является душа. «У множества <...> было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения

своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4:32). Объединение народа не внешними силами, а внутренними относит нас к религиозной традиции соборности. С. Н. Булгаков определил соборность как «душу Православия» [1, 32], подчеркнув в данной категории христианский смысл. По мнению И. А. Есаулова, соборность может проявить себя в различные исторические эпохи и у разных авторов, в том числе, есть у А. Платонова. (В его работе лексемы «крест» и «звезда» в романе А. Платонова «Чевенгур» рассмотрены в значениях Воскресения и Рождества соответственно). Идея соборности является традиционной для русской литературы, суть её сводится к тому, что каждый человек, обладая душой, неразрывно связан с Богом и с другими людьми.

Идея соборности вновь отсылает нас к Евангелию — к заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Иак. 2:8). Бескорыстная и самоотверженная любовь к другим людям, душевная связь — это духовное единение людей, свидетельство колоссальной силы народа. Эта духовная связь проявляется в повести в том, что даже после решения уйти из народа, отправиться своей дорогой, все представители возвращаются назад, чтобы вместе строить коммунизм, вбирающий в себя народные чаяния.

В интерпретации произведения очевидна игра слов: сборное единение, за которым стоит Нур-Мухаммед при строительстве социализма, трансформируется в соборное единение Назара Чагатаева. Другими словами, здесь мы наблюдаем конфронтацию дьявольского и божественного начал.

Душа в художественном мире А. Платонова находится в тесной взаимосвязи с понятием «счастье». По мнению автора, душа — это бестелесное тело, куда человек хочет спрятать свое счастье» (509). «Осталась ли в народе хоть небольшая душа, чтобы, действуя вместе с ней, можно совершить общее счастье?» (507) — спрашивает себя Н. Чагатаев. Данный вопрос наталкивает на размышления о воздействии власти на людей и его подавляющей сознание людей роли.

«Общее счастье», о котором идет речь, — это строительство коммунизма, которое в философско-мировоззренческой

концепции писателя называется «душевым». «Счастье всегда имеет большой размер, оно равняется всему социализму», — говорит повествователь.

Нур-Мухаммед и Назар Чагатаев — это герои-антагонисты, оба приехавшие из Москвы по указанию партии для строительства социализма, однако их значительно различают средства и методы строительства социалистического общества. С позиции Нур-Мухаммеда строится военный коммунизм, сверху, насильственно, без каких-либо размышлений и тем более обращений к духовной жизни народа. Назар Чагатаев строит душевный коммунизм, снизу, из сердца народа, предоставляя джану самому решать, что именно ему нужно.

В лице Назара Чагатаева А. Платонов показывает несостоятельность идей государства, когда один или несколько человек решают все, отбрасывая многовековой опыт жизни общества. Повествователь уточняет, что коммунизм строится рабами, в которых люди превращаются, когда искажается их душа. «Классовая борьба начинается с одоления "духа святого"» (508), «душа же подвергается истиранию во лжи и разрушающем труде» (508). Христианство выступает против рабства, но не против труда, который дает пропитание и блага человеку. В повести Назар Чагатаев, выражающий позицию автора, вместе с маленькой девочкой Айдым пытаются претворить путь создания душевного коммунизма, где именно душа человека созидает общее счастье. Строительство «обители радости, где есть пища и тепло и нет невзгод и горя» возможно только при условии, что душа теснится в сердце и просится наружу.

«Жизнь народа охвачена всеобщим смыслом, нет апатии, преодолено одиночество и взаимное отчуждение людей. На такой основе и строит Назар Чагатаев новое общество из представителей народа джан»⁵. Духовное единение людей, христоцентризм — основа для строительства нового коммунистического / социалистического общества. Построить «всеобщее счастье» усилиями «извне» невозможно, требуются усилия духа и воли самих людей. «Никакой народ, даже джан, не может жить врозь: люди питаются друг от друга

не только хлебом, но и душой, чувствуя и воображая один другого» (528).

Процесс утраты души, её возрождения и единства душевной субстанции всех кочевников племени джан — это то, что говорит об исключительной силе народа, который теперь, вопреки любым трудностям, готов к строительству социализма.

Несмотря на то что повесть была написана в 30-е гг. XX века, в период набирающей кровавый ход диктатуры и репрессий, строго централизованной политической системы, сознание русского человека оставалось глубинно христианским, как и литература этого периода. Прочтение творчества А. Платонова, в том числе повести «Джан», без обращения к народной христианской традиции обедняет его понимание.

Концепт «душа» встречается во многих произведениях автора: в «Усомнившемся Макаре», «Сокровенном человеке», «Чевенгуре», «Котловане», «Счастливой Москве» и др. Повесть «Джан» — это духовный поиск автора, его ответ современности. Религиозное понимание души и духовной жизни человека, его связь с многовековой традицией христианства и православия — это модель единения народа, установления человеческих отношений, преодоления разрозненности и разобщенности.

Примечания

- * Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (проект: "Scandica: конвергенции в культуре стран Северной Европы").
- ¹ Платонов А. «... я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / Сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2013. С. 394.
 - ² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Платонов А. П. Избранные произведения: В 2-х томах. Т. 1. Рассказы 1921–1934. Повести. М.: Худож. лит., 1978. 542 с. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
 - ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vidahl.agava.ru/cgi-bin/dic.cgi?p=48&t=7583>

- ⁴ Платонов А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост. Н. В. Корниенко. Т. 1: Усомнившийся Макар: Стихотворения. Рассказы 1920-х годов. М.: Время, 2010. 395 с.
- ⁵ Платонов А. П. Котлован: Избранная проза. М.: Кн. палата, 1988. С. 318.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. 528 с.
2. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 32–60.
3. Полтавцева Н. Свет жизни (предисловие) // Платонов А. П. Избранное. М.: Просвещение, 1989. С. 5–18.

Irina Valeryevna Romanovskaya

*Lecturer of Philology's Faculty of Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
romanovskaia.irina@gmail.com*

THE CONCEPT OF "SOUL" IN ANDREI PLATONOV'S SHORT NOVEL *DZHAN*

Abstract. The subject of the research is the concept of “soul” — one of the most important semantic components of Andrei Platonov’s artistic world.

The concept of “soul” is one of the core ones in the history of culture and it includes the complex religious, philosophical, ethical, spiritual and mental content.

The concept of “soul” is consistently present in Platonov's works — from the first to the last ones — where it represents individual and personal, collective and national and world (cosmic) existence. The lexeme “soul” marks a zone of conflict between the writer and philosopher and militant atheism and historical materialism of revolutionary ideology. The author and his heroes search for a “sincere socialism” (*The intimate person, Doubting Makar*). The Soviet critics saw “foolishness for Christ” in these searches (A. Gurvich).

Platonov starts actualizing the “soul” concept in his short novel *Dzhan* (1932–1935) with the title, since a Turkic word “dzhan” means “soul” in Russian. This concept plays an important role in the artistic representation of an intimate life of the *dzhan* people and the main character Nazar Chagatayev.

Conceptual analysis of the short novel *Dzhan* includes the following components:

- defining semantic space of the “soul” concept in the novel, as well as its structure and functions;
- describing reference situations the “soul” concept points at in a work of art;
- studying the novel’s sphere of concepts (connections between the “soul” concept and the concepts of “mind”, “heart”, “happiness” and “life”);
- detecting mythological and Evangelical implications in the contexts which are directly connected with the concept of “soul”;
- defining convergences and divergences of the concept of “soul” in Platonov’s short novel *Dzhan* and its cultural semantics, which can be traced back to the Evangelical text.

Keywords: Andrei Platonov, *Dzhan*, the concept of “soul”, Evangelical and mythological implications, the Gospel

References

1. Bulgakov S. N. *Geroizm i podvizhnicstvo [Heroism and Self-sacrifice]*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992. 528 p.
2. Esaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature (k postanovke problemy) [Category of Conciliarity in the Russian Literature (to Problem Statement)]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1998. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 2, pp. 32–60.
3. Poltavtseva N. Svet zhizni [Light of life]. *Platonov A. P. Izbrannoe [Platonov A. P. Chosen Works]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, pp. 5–18.